

УДК 316

© *Надежда Канашевич*
профессор кафедры социально-
гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД,
кандидат исторических наук, доцент
(Беларусь)

© *Nadezhda Kanashevich*
Professor of the Department of Social
and Humanitarian disciplines
of the Mogilev institute of MIA,
PhD in History, Associate professor
(Belarus)
e-mail: tv.lab.mogilev@gmail.com

ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИИ: ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО К КОГНИТИВНОМУ ПОНИМАНИЮ

В статье на основе изучения публикаций отечественных и европейских авторов выявляются тенденции развития современного идеологического дискурса.

Существует не так много понятий, которым пришлось бы пережить столько метаморфоз, как это случилось с понятием идеологии. На протяжении двух последних столетий проблема понимания идеологии неоднократно находилась в центре борьбы «науки против предрассудков», занимая то ту, то иную позицию — или идеологию рассматривали как «ложное сознание» и главное препятствие на пути рационального познания общественной жизни, или объявляли ее истинным знанием и пытались создать «научную идеологию».

Кульминация критического отношения к идеологии приходится на середину XX столетия, когда появляется тезис о «конце идеологии», предложенный известным американским специалистом в области общественной мысли и социального прогнозирования Даниелем Беллом в работе «Конец идеологии» (1960). Эту идею, получившую оформление как концепция «деидеологизации», разделяли многие авторитетные западные исследователи — Х. Арендт, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт и др. «Конец идеологического века» — так назвал видный французский социолог Раймон Арон одну из глав своей работы «Опиум интеллектуалов» (1955).

Тезис о «конце идеологии» в тот период основывался на отождествлении ее с практикой тоталитарных режимов первой половины XX столетия. Кроме того, в условиях НТР возникла иллюзия, что в связи с развитием науки и техники, возрастанием объема знаний и информации сознание общества становится все более рационалистическим и потребность в идеологии отпадает. Однако в 1960–1970-е годы под влиянием молодежных революций, появления движений «новых левых», а затем «зеленых» западные исследователи были вынуждены признать, что прогнозы деидеологизации не оправдались. Идеология продолжала оставаться важнейшей формой общественного сознания, так как имеет объективные социально-политические истоки — общие условия жизни и совместная деятельность людей способствуют возникновению общих интересов и общего видения мира, общих проблем и стремления решать их коллективными усилиями. Если общественная психология представляет собой непосредственное эмоционально-чувственное восприятие и переживание людьми социальных процессов и отношений, то преломление их сквозь призму коллективных интересов способствует формированию теоретико-идеологизированных форм выражения этих позиций и целей.

Тенденция возрастания интереса к феномену идеологии усилилась на рубеже XXI века. Как писал британский политический философ Майкл Фриден, главный редактор известного специализированного издания Великобритании «Журнал о политических идеологиях», сегодня наблюдается «отнюдь не конец идеологии, а заметный взрыв интереса к ней, настало время для постановки вопроса “о начале идеологии” в противовес вопросам о ее “конце”» [1, с. 161].

Обзор статей ряда современных западных авторов, сделанный в процессе работы над настоящей публикацией, приводит к выводу, что сегодня можно говорить не только о возрастании интереса к проблеме идеологии, но и о существенном изменении как предмета идеологического дискурса, так и интерпретации самого феномена идеологии в направлении перехода от идеологического к когнитивному ее пониманию. Для подтверждения этого обратимся к истокам зарождения политической идеологии.

Как известно, сам термин «идеология» был предложен в 1796 г. французским философом Антуаном Дестютом де Траси для обозначения рационального, научного знания об обществе — науки об идеях. Идеологии предназначалось быть системой логически обоснованных положений и постулатов об обществе, призвание которой в том, чтобы систематизировать идеи выдающихся мыслителей, изучать их естественное происхождение из чувственного опыта, выявлять законы развития истинного знания и разоблачать «иллюзорные мысли». Однако те явления, которые сегодня называют политической идеологией, прослеживаются в европейских обществах уже с эпо-

хи Возрождения, что было обусловлено рядом существенных изменений в культуре и общественном сознании, прежде всего, развитием процесса секуляризации и рационализации жизни.

Если ранее ценностно-нормативная первооснова человеческой жизни базировалась на религии, то в этот период возрастает значение реальных земных интересов людей и эффективности человеческой деятельности в целом, государственно-политическая и духовная сферы, наука постепенно высвобождаются от религиозного влияния, формируются светские формы общественного сознания, уменьшается влияние религии и церкви на поведение людей. Возникает потребность в принципиально новом светском рациональном миропонимании — своего рода светской религии, отражающей не потусторонние, а реальные земные интересы людей, объединяющей их в большие группы, нации и государства.

Ростки нового рационального миропонимания усматриваются уже в кальвинистских общинах. Социальные потрясения, вызванные Английской и Французской буржуазными революциями, продемонстрировали роль идеологии как новой детерминанты политики, способствовали концептуализации либеральной и консервативной идеологий и показали, что представление о «чистых» идеях об обществе, не обусловленных реальными человеческими интересами, несостоятельно. Именно социальные идеалы, выражающие интересы больших общественных и политических групп — классов, составили ядро трех «великих» идейных традиций — либеральной, консервативной и социалистической идеологий, сформировавшихся как системы взглядов, отображающих мировоззренческий опыт, умонастроения, оценки, приоритеты, намерения базовых групп индустриального общества.

Современный нидерландский ученый Тойн ван Дейк обращает внимание, что идеологии всегда обосновывают и защищают коллективные интересы и состоят из общих для конкретной социальной группы представлений, а не индивидуальных мнений. Как не существует индивидуального языка, так и не существует индивидуальной идеологии. В отличие от базовых ценностей конкретного общества, разделяемых всеми, идеологические представления лежат в основе социальной памяти конкретных социальных групп, члены которых имеют схожие цели и интересы. Причем идеологические представления относятся к социально или политически значимым проблемам и являются жизненно важными для существования данной группы [1, с. 77].

В отличие от науки, которая стремится быть свободной от оценочных суждений, идеология призвана снабдить людей представлениями о том, что вредно, что полезно, как оценить то или иное событие, как можно изменить или сохранить существующий социальный порядок. В основе идеологий лежат идеи, представляющие собой как научное, так и не научное, но ду-

ховно адекватное коллективным социальным интересам отражение мира. В отличие от науки идеология, хотя и пыталась «рядиться в одежды» научных исследований, представляет лишь такой образ мира, который соответствует интересам и идеалам реальных социальных групп и всегда содержит в себе конкретную программу действий по сохранению или изменению социальной реальности. В идеологии, отметил Т. ван Дейк, как правило, четко разграничено «МЫ» и «ОНИ», т. е. всегда содержится элемент конфликта или противопоставления, обоснования или защиты своих интересов [1, с. 76].

Именно в силу социальной природы идеологии как системы общих групповых представлений идеи других групп нередко воспринимаются как сознательно злонамеренные или в лучшем случае иллюзорные. Уже Наполеон Бонапарт использовал слово «идеология» в пренебрежительном смысле по отношению к своим оппонентам. Исследователи XIX века в большинстве своем противопоставляли идеологию рациональному познанию и науке, связывая ее с мышлением, искажающим реальную жизнь людей. Причем идеологией, как правило, в этот период обозначали идеи других, но практически никогда — свои собственные. Как известно, Карл Маркс, подвергая ожесточенной критике идеологии классовых противников, не считал свое учение идеологией. В работе «Немецкая идеология» (1845–1846) идеология анализировалась К. Марксом и Ф. Энгельсом с точки зрения ее способности выражать интересы господствующего класса. Начиная с К. Маркса идеология стала рассматриваться как инструмент власти экономически господствующих групп и важнейший компонент всей системы классового господства. «Господствующие мысли, — считал К. Маркс, — суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений» [2, с. 46]. Идеологический аспект, с позиции марксизма, предполагает такой срез общественного сознания, когда знание об обществе, преломляясь через призму интересов экономически господствующего класса, создает эффект «ложного сознания» — иллюзорное отображение «идеологами» реального бытия, «включая разработку иллюзий этого класса о самом себе», в целях сокрытия истинных причин и явлений [2, с. 46].

Интерпретация идеологии как «ложного сознания» оказалась весьма устойчивой. Даже в работе Вильфредо Парето «Трактат о всеобщей социологии» (1916), задуманной как альтернатива марксизму, идеология рассматривалась «производной» от чувств (дериваций) — истинных движущих сил истории и исполняла роль своего рода «языка чувств» — теоретических построений, призванных маскировать эмоции и противостоящих истине.

Иной подход к идеологии характерен для работ немецкого философа и социолога Карла Мангейма, взгляды которого формировались под влиянием не только К. Маркса, но и М. Вебера, Э. Гуссерля и других мыслителей. В исследованиях К. Мангейма идеология рассматривается не в идео-

логическом и негативном аспекте, а как неотъемлемая характеристика современного общества, через призму функционального и когнитивного анализа. Воспринимая идеологию как способ группового познания мира, К. Манхейм в работе «Идеология и утопия» обратил внимание на позитивный, т. е. функциональный аспект идеологии, ее способность сплачивать людей на основе общности интересов и убеждений. Утопией он назвал идеологии оппозиционных классов, которые столь же субъективно пристрастны, но представляют собой, как правило, недостаточно теоретически оформленное, эмоционально окрашенное «духовное образование». Именно различия в позициях («наблюдательном пункте») познающих субъектов в социально-историческом пространстве и времени, считал К. Манхейм, обуславливают относительную «односторонность» и «ложность» их познавательных перспектив. Он приходит к выводу, что идеология — это всего лишь частичное знание, ограниченное социальной и познавательной перспективой ее носителей [3, с. 56].

Одновременно К. Манхейм обращал внимание и на манипулятивную функцию идеологии. Он считал, что если правящий класс выдает свое представление о перспективе за единственно истинное, то идеология может выступать как инструмент мистификации, используя различные приемы — «от сознательной лжи до полуосознанного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана». Задачу же ученого К. Манхейм усматривал в том, чтобы соотнести те или иные «духовные образования» с «социальными позициями» их носителей и понять, сколь различным образом может быть представлена одна и та же реальная ситуация людьми, занимающими различные социальные позиции и имеющими соответственно различные идеологические предпочтения. Проблема, по К. Манхейму, состоит не в поисках знания свободного от идеологии, а в необходимости синтезировать частичное, неполное знание [3, с. 56].

Методология исследования в русле когнитивного и функционального анализа, предложенная К. Манхеймом, позволила отказаться от абсолютизации идеологического подхода и рассматривать идеологию многопланово, как сложное и противоречивое явление, что оказалось весьма продуктивным. Большой резонанс в научном сообществе вызвал методологический подход к исследованию идеологии, заявленный статьей Клиффорда Гирца «Идеология как культурная система» (1964). В условиях отчетливо выявившихся тенденций постиндустриального развития К. Гирц предложил использовать понятие «идеология» для изучения способа упорядочивания информации, обозначая им особые когнитивные структуры — некие наделенные смыслом логические модели группового познания сложной социальной реальности, объединяющие людей так же, как общий язык. Для К. Гирца идеология — это элемент интерпретационного кода, своеоб-

разная «символическая матрица» или «карта проблематичной социальной реальности, на основе которой формируется коллективное сознание [1, с. 21].

Идеологические конструкции в интерпретации К. Гирца представляют собой наделенные смыслом логические модели познания, которые выступают как форма сохранения мировоззренческого опыта групп людей и упорядочивания информации, позволяя им обживать новое социальное пространство, осуществлять систематизацию социального знания и социального опыта, выделяя то, что наиболее адекватно социальным интересам данной общности. Развивая эти идеи К. Гирца, Т. ван Дейк отметил, что идеология может рассматриваться как «способ концептуализации в семантических конструкциях социальных смыслов» и как «язык политических коммуникаций», задающий наряду с другими подобными образованиями (мифом, религией, индустрией рекламы) способы символизации политических субъектов [1, с. 78].

В последнее десятилетие вопрос о роли идеологии вновь оказался в центре идеологического дискурса, но изменился сам предмет обсуждения. Новые интерпретации феномена идеологии связывают его не столько с процессами рационализации и секуляризации общественного сознания, как это было раньше, сколько рассматривают его в контексте эффектов медиатизации и глобализации современного общества. При этом одни исследователи (российский политолог А. И. Соловьев) настаивают на том, что в условиях появления новых способов политической коммуникации идеология вытесняется на периферию политики, а на смену ей приходят «более адаптивные и подвижные приемы продуцирования политических значений», которые спроектированы не на логические, а на чувственные формы отображения политических товаров (рекламно-имиджевая деятельность, СМИ) [1, с. 35]. Другие авторы (британский социолог Джон Б. Томпсон) считают, что именно СМИ сегодня существенно расширяют действие идеологии. Всепроницающее воздействие на общественное сознание масс-медиа создает возможность для передачи символов и образов, в том числе идеологических конструктов, потенциально широкой аудитории, рассеянной в пространстве и времени, и усиливает манипулятивную функцию идеологии. Многие культурные формы сегодня получают или усиливают свое идеологическое измерение (кинематограф, реклама, киберпространство) [1, с. 23].

В подтверждение последней точки зрения можно обратить внимание на то, что в последние годы в условиях резкого обострения противоречий между мировыми центрами за передел сфер влияния и отстаивание своих геополитических интересов наблюдается масштабное использование в идеологических целях СМИ и киберпространства. Многонаправленные информационные кампании в форме информационных войн, с жестким,

агрессивным воздействием на общественное сознание отдельных социальных групп или целых народов стали стержневым компонентом гибридных войн. События в Украине и все, что связано с практикой так называемых цветных революций и гибридных войн, свидетельствуют, что идеология в силу своей природы может оказывать весьма сильное целенаправленное манипулятивное воздействие на поведение людей и сегодня располагает не только институциональными механизмами современного государства, но и активно использует эффект средств массовой коммуникации.

Развитие современной цивилизации показывает, что идеология относится к числу сложнейших и противоречивых явлений общественной жизни, требующих междисциплинарного анализа, так как включает в себя и философско-мировоззренческие, и научно-теоретические, и ценностно-нормативные компоненты. Неоднозначность термина «идеология» во многом определяется сложной конфигурацией того проблемного поля, которое пытаются описать с его помощью.

Отличительной особенностью идеологического дискурса рубежа XXI века стал отказ от односторонней оценки идеологии как апологетики власти и концентрация внимания на ее когнитивной составляющей как одного из способов социального познания, выполняющего функцию систематизации и интерпретации опыта групповых человеческих практик.

В последнее десятилетие наблюдается изменение самого предмета идеологического дискурса. Новые интерпретации феномена идеологии связывают его не столько с процессами рационализации и секуляризации общественного сознания, как это было раньше, сколько рассматривают его в контексте эффектов медиатизации и глобализации современного общества, усиливающих манипулятивную функцию идеологии.

Список основных источников

1. Политическая наука. Политическая идеология в современном мире : сб. науч. тр. / РАН ; ИНИОН ; Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. полит. науки ; Рос. ассоц. полит. науки ; ред. и сост. вып. О. Ю. Малинова. — М., 2003. — 197 с.

2. Маркс, К. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1955. — Т. 3. — 629 с.

3. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени ; пер. М. И. Левиной [и др.] ; ред.-сост. Я. М. Бергер [и др.]. — М. : Юристъ, 1994. — 320 с.

The problem of ideology: from an ideological to the cognitive comprehension
In the article, based on the study of publications of domestic and European authors, tendencies in the development of modern ideological discourse are revealed.